

День празднования выдался туманным, а вечер — промозглым. Это, однако, не расстроило людей: многие говорили, что в темном небе куда ярче будут видны фейерверки и свет праздника императорской столицы достигнет даже отдаленных границ царства, продемонстрировав непременно затаившимся во мраке врагам достоинство и мощь Императора. Дворцовые монахи с самого утра гадали и приносили жертвы богам. К обеду на пышную церемонию явился Его Величество, а после с детьми и наложницами удалился на банкет. Старшие родственники планировали всю ночь веселить на нем Императора, грея в этот холодный день душу мечтами о его переменчивом снисхождении, а вот Первая принцесса и Пятый принц вскоре удалились. У праздничного зала Ее Высочество уже ждал паланкин, направленный в сторону ворот Запретного города. Один его вид вселял в душу Фу Айминь не свойственное девушке волнение.

Фу Ичжэнь помог сестре забраться в паланкин и улыбнулся ей:

— Я буду ждать вас у ворот. Воины отца, мои люди и слуги из вашего двора уже готовы, и ожидают лишь нас.

— Этой принцессе становится неловко от того, что в новогоднюю ночь все эти люди будут сопровождать меня, — рассмеялась Фу Айминь — но в ее словах не было в самом деле раскаяния, лишь трудно скрываемое предвкушение.

— Сестре не нужно беспокоиться, — сказал Пятый принц, опустив глаза. — Я обо всем позабочусь.

Фу Ичжэнь ожидал, что Ее Высочество ответит какой-то шуткой, но, не услышав ответа, вновь поднял взгляд. Первая принцесса смотрела на него с родительской нежностью.

— Каким большим ты стал, — пробормотала она так, чтобы только двое могли слышать. Тут же откровенность скрылась за мягким, но непроницаемым выражением, и Фу Айминь откинулась на расшитую спинку сидения. — Эта процесся рассчитывает на сяди.

Таким образом Первая принцесса брата обычно не называла. Это обращение было очень интимным и использовалось в основном в семьях бедняков: Фу Ичжэнь был уверен, что даже в семье Фэн, в которой близость между братом и сестрой была небывало крепка, Фэн Сяолин не позволяла себе... Пятый принц, скрывая смущение, задернул полог паланкина принцессы и подал знак евнухам. Паланкин тут же поднялся и, освещаемый светом множества алых фонарей, двинулся к воротам. Фу Ичжэнь хотел сказать что-то, и только через мгновение вспомнил, что рядом с ним больше нет шиди. Пятого принца сегодня сопровождали несколько слуг его поместья, с которыми он не был близок. Вдохнув в душе этому обстоятельству и в который раз сурово пообещав, что, если Чжунчу Чэн и Ян Вэньян вернутся ни с чем, он поколотит их, Фу Ичжэнь наконец тоже отправился к воротам.

Когда он пришел, все уже было готово к поездке. В начале колонны шли несколько десятков гвардейцев Его Величества в сияющих золотых доспехах и с длинными перьями на шлемах, которые от холодного ветра легко подрагивали, словно воины топтались на месте. За ними шли дворцовые евнухи и служанки, несущие фонари, ленты и подарки, которые милостью принцессы будут раздавать простым людям в честь праздника. Далее находилась повозка Ее Величества: украшенная золотом и нефритом, с резными драконами, извивающимися на боках, и бархатными кисточками на скатах крыши.

От взглядов простых людей принцесса была укрыта толстым пологом и со стороны можно было разглядеть лишь ее исполненную изящества фигуру. На пологе была украшенная цветами из

рубинов и сапфиров вышивка с танцующим журавлем. Казалось, любому смотрящему он игриво подмигивает. За паланкином снова шли стражники и слуги, несущие вещи принцессы, чайный набор, игры, одежды, что могли ей пригодиться, лакомства... Ее Высочество покидала замок на единственную ночь, но колонна ее была такова, что могла бы из Лояна пройти не останавливаясь до самой Сычуани.

У самой повозки, за слугами, был еще один непременный человек. Неловко сидящий на лошади, укутанный в плащ с белоснежным мехом и прячущий бледные руки в муфте, он казался не изящным журавлем, но нахохлившейся синицей. В свете праздничных фонарей глаза его казались алыми, словно у жаждущей чужого сердца лисицы.

Именно к нему Пятый подъехал. Еще во дворце он сел верхом, и сейчас передвигался на буром жеребце, меланхолично оглядывающимся вокруг. Стоило Фу Ичжэню подъехать, как господин Ли принялся ворчать:

— Ваше Высочество не торопитесь. Пусть тело дракона подобно нефриту в крепости и силе, мы все же простые люди, которые боятся воды и солнца: а также мороза и долгого ожидания. Этот слуга едва не лишился чувств, ожидая вас.

— Этот принц привык, что чувств лишаются рядом со мной, а не от моего отсутствия, — ухмыльнулся Фу Ичжэнь и, привстав на стременах, крикнул: — Выезжаем!

Колонна медленно двинулась. Людей, лошадей и повозок в ней было много, а улицы столицы были заполнены гуляющими горожанами, потому повозка принцессы едва двигалась. Это однако, помогало сидящей внутри паланкина девушке осмотреться вокруг, потому никто не возражал. Люди, встречающие колонну Ее Высочества, кланялись и желали ей долгих лет жизни. На лицах сияли ярче праздничных огней улыбки. Это была шумная, яркая, но очень уютная ночь.

Из-за темноты казалось, что мир кончается там, где украшенные фонариками, флажками и лентами крыши домов упираются в черное небо. С него сыпались бумажные конфетти, путающиеся в волосах и одеждах. Иногда небо рассекал фейерверк: самый большой и красивый, устраиваемый императорской семьей, уже отгремел, но никто не запрещал богатым людям устраивать для своих домашних такие же празднования. И почтенные господа, и простые жители этому лишь радовались.

Господин Ли выдыхал молочный пар, оглядываясь вокруг. Смотри на него Пятый принц чувствовал, что и его кости мерзнут. Он спросил:

— Все еще холодно? В толпе, как по мне, стало теплей.

Ли Инчунь бросил на Фу Ичжэня быстрый взгляд.

— Вашему Высочеству не нужно беспокоиться. Это от болезни, потому скоро пройдет.

Пятый принц ему не поверил. Кроме того, разве это объяснение не звучало как еще больший повод волноваться? Склонившись к слугам, Фу Ичжэнь приказал сбежать в ближайшую лавку и купить подогретого вина. Колонна двигалась так медленно, что у слуг было время не отстать в праздничной суете. Выпрямившись, Фу Ичжэнь улыбнулся.

— Значит ты ведешь себя так чтобы показать, как я жесток, что заставил тебя ехать с собой?

— Заставили? Ваше Высочество что-то путает, — вздернул брови господин Ли и тут же

улыбнулся. — Этот человек благородно согласился сопровождать вас, не имеющего сейчас в столице друзей и сторонников. Мне не в тягость, но кроме моей заботы вы лучше задумались бы о своем положении.

— У меня есть друзья, — беззлобно отозвался Пятый принц, для вида чуть надув губы.

— Например? — улыбнулся Ли Инчунь.

— Разве не ваш молодой господин? — через мгновение раздумий нашелся Фу Ичжэнь. — Кроме того, он мой друг намного дольше, чем твой.

— Вашему Высочеству лишь бы только посоревноваться в глупостях, — покачал господин Ли головой. — И, кстати, иметь в качестве своего единственного друга двоюродного брата довольно печально.

— Разве о тебе нельзя сказать того же? — ухмыльнулся Пятый принц. — Ты живешь в доме Фэн Жуна и водишь дружбу с ним: злые языки сказали бы, что от безысходности.

— О чем вы? — поглядев на Фу Ичжэня, сказал Ли Инчунь. Лицо его было по обыкновению своему собрано и спокойно, но, зная этого человека достаточно легко можно было заметить, что глаза его искрятся озорством. — У меня много друзей. Я всем нравлюсь.

Пятый принц хотел было с этим поспорить, но в последний момент не нашел на это в себе сил. Вернулся слуга и протянул господину два небольших глиняных кувшинчика подогретого вина. Он сказал что-то, но из-за шума праздничной улицы, музыки и смеха Фу Ичжэнь не расслышал слов — а может хотел сегодня слушать единственный голос. Лошади молодых людей шли вровень, но Пятый принц все равно чуть подстегнул своего коня, чтобы он подошел к Ли Инчуню ближе: теперь колени господ соприкасались. Пусть горячую от аккуратной вседозволенности кожу еще скрывали слои одежд, шелка и бархата, Фу Ичжэню показалось, что вся его кровь в один миг согрелась от чужого благосклонного тепла.

Он передал господину Ли кувшинчик: тот благодарно принял его, но на миг задержал на руке принца взгляд. Эта была та самая ладонь, которой несколько ночей назад Фу Ичжэнь остановил направленный в грудь «Яньлинь» кинжал человека из министерства войны. Сейчас на нее была наложена тонкая повязка, а сверху обмотан отрез золотой ткани, который контрастировал с императорским нарядом Фу Ичжэня и помогал скрывать случайное ранение. В самом деле заметить его было довольно сложно.

Господин Ли поглядел в глаза Пятого принца:

— Еще болит? — тут же Ли Инчунь сам вздрогнул от нежности, случайно проскочившей в этой его бездумной фразе и, торопливо отведя взгляд, добавил: — Разве на заклинателях не любая рана заживает, словно на собаке?

— Так и есть, — улыбнулся Фу Ичжэнь и тут же самым серьезным тоном, на который был способен, добавил: — Но эту рану я ведь получил не в совершенствовании, потому заживать она будет как у обычного смертного.

Господин Ли несколько раз отрешенно кивнул, словно был занят в большей мере своими мыслями, и лишь через несколько мгновений обратил внимание на сказанное принцем. На лице Ли Инчуня появилось сначала на краткий миг замешательство, а после понимание.

— Ваше Высочество не слишком хорошо разбирается в лечении, верно? — спросил он, стараясь

сделать голос строгим, но не имея сил скрыть смягчающую черты лица улыбку. Фу Ичжэнь, не скрываясь, рассмеялся. Смех его в праздничной толпе показался так тих, что едва можно было различить его среди общего гомона, но Ли Инчунь сохранил трепетно в своем сердце каждый звук.

Молодые люди выпили немного вина. Улицу впереди перегородили гуляющие: посланный в ту сторону слуга сказал, что в праздничном угаре кто-то опрокинул несколько прилавков и паланкину принцессы там не проехать. Немного посоветовавшись с слугами, что знали эту часть города лучше, Фу Ичжэнь решил свернуть на восток, чтобы проехать меж жилых кварталов, а после вновь вернуться к широким уличным площадям. Праздник охватил весь город, потому везде можно было смотреть на украшения и веселящихся людей, пар от дыхания которых белыми облачками взмывал в чернильное небо. Смена маршрута не была проблемой.

В какой-то момент с неба вместе с праздничными конфетти полетели крупные, пушистые снежинки. Они представляли собою зрелище поистине волшебное и в сердца горожан вселяли еще больше праздничной радости. Прямая, словно стрела, улица, по которой ехал экипаж принцессы, теперь через несколько чжан в глазах смотрящего растворялась алым туманом, и величественные пагоды императорского дворца, которые обычно можно было увидеть из любой точки города, оказались скрыты за пологом снега.

Экипаж шел быстрее, чем по торговой улице, но все равно достаточно медленно, чтобы можно было без труда рассмотреть товары на прилавках у дороги. Ранее господин Ли видел причудливые вещи любого толка, от которых ломились прилавки, и шумных детей, которые разглядывали их и бурно меж собой переговаривались. На этой же улице жили благородные господа и обогатившиеся купцы, потому и лавки тут стояли не такие простые. Здесь продавали вышитые бисером веера, шпильки из яшмы и нефрита, мешочки с диковинными благовониями и маски в виде двенадцати животных-покровителей, за которыми можно было спрятать лицо.

Фу Ичжэнь обратил на них внимание. Пусть господин Ли сидел с внешней стороны и находился ближе к прилавку, Пятый принц подался вперед, чтобы спросить торговца:

— За сколько ты это продаешь?

Торговец никогда не видел царственного лица Его Высочества, но по знакам дракона на экипаже, который сопровождал молодой господин и его богатому виду понял, что имеет дело не с простым человеком. Торговец низко поклонился и, сверкая широкой улыбкой, рассказал:

— Господин, каждая маска стоит две серебряные монеты!

— Не дурно, — фыркнул господин Ли. Услышав неудовольствие в его голосе, торговец поспешил объяснить:

— Все они расписаны моими дочерьми и ни одна не похожа на другую! С обратной стороны пожелания долгих лет и богатства, а материалы — только высококачественное дерево и киноварная краска, которую использует сам Император!

— И легко ли было пробраться в императорский кабинет, чтобы украсть его чернила? — продолжил Ли Инчунь, ни к заискивающей манере продавца, ни к его стараниям продать собственный товар не испытывая, кажется, ни капли сочувствия. Торговец на миг смешался, ощущая, что чем-то обидел молодого господина, но человек рядом с ним, куда более дружелюбный и приятный, лишь подтолкнул в плечо своего спутника.

— Не вредничай. Маски выглядят хорошо, почему бы не подурачится сегодня? Ну, какую ты

хочешь?

Господин Ли мгновение молчал, оглядывая товар нечитаемым взглядом, а после спросил:

— А какую возьмет Ваше Высочество?

— Конечно же дракона! — воскликнул Пятый принц и подал торговцу знак. Тот только теперь понял, с кем имеет дело: для Второго принца человек перед ним был слишком молод и улыбчив; с ним не было, как рядом с Третьим, жен и детей; значит оставался только слывший повесой и транжирой Пятый принц! Мужчина аккуратно снял с прилавка маску дракона, которая казалась ему самой удачной, и двумя руками подал ее Фу Ичжэню. Пятый принц тут же нацепил ее на лицо и, поглядев на Ли Инчуня, спросил: — Ну, как тебе?

Маска скрывала большую часть лица принца, оставляя открытыми только подбородок и губы: и это на взгляд господина Ли было ужасным упущением. Пусть сквозь прорези маски все так же ярко и озорно сияли глаза Фу Ичжэня, а алые и золотые узоры делали еще более величественным и достойным его вид, Ли Инчунь предпочел бы глядеть на другое.

Он обернулся к торговцу и придирчиво взглянул на товар. Через время он указал на одну из масок:

— Змея, — коротко сказал юноша и торговец поспешил подать выбранную маску. Пятый принц тоже сразу примерил ее: эта маска закрывала лишь глаза, и через вытянутые прорези казалось, словно взгляд господина Ли таит в себе еще больше коварства, чем обычно: хотя разве это было возможно? Белоснежная маска была украшена черными узорами и на ее фоне бледное до синевы обычно лицо Ли Инчуня стало казаться алым: или виной всему был ночной стылый воздух. Господин Ли посмотрел на принца и, словно дразнясь, повторил: — Ну, как тебе?

Фу Ичжэнь без слов понял, что Ли Инчунь хотел сказать: маска была хороша, но вид без нее был куда краше. Молодые люди несколько мгновений глядели друг на друга, четко ощущая в чужом взгляде эту мысль, а после, вдруг ощутив всю нелепость ситуации, отвернулись. Фу Ичжэнь бросил благодарящему его торговцу мешочек серебра и повозка двинулась дальше.

Молодые люди выпили снова, ощущая, что подобным мыслям место в тишине внутренних покоев, а не на оживленной улице. Люди, что проходили мимо, склоняли головы в сторону паланкина Первой принцессы, многие принимались кричать поздравления и прославлять императорскую семью. Через какое-то время к стражникам, что шли впереди, подошел человек и принялся спрашивать что-то. Главный среди гвардейцев обернулся к Пятому принцу и, дождавшись его одобрения, отправил человека к Его Высочеству.

Подойдя, тот сразу же поклонился и принялся сбивчиво говорить:

— Простите, господин, что этот простой человек имеет наглость обращаться к вам!.. Я бы ни за что не посмел, но вижу ваш экипаж и, думаю...

— Не беспокойся, говори прямо, — улыбнулся Фу Ичжэнь, но в улыбке его показалось напряжение, которое заставило мужчину собраться с мыслями и рассказать:

— Там, впереди по улице, драка! Сцепились ремесленники из ткацкого двора и кузнецы из южного квартала! Выпили, поругались о чем-то, дело простое... Стража уже там, разнимает, но такой большой колонне не проехать. Этот человек решил предупредить вас, чтобы вы попусту в праздники не стояли на улице и не заставляли ждать, — мужчина взглянул на паланкин,

заметил в нем женский силуэт и добавил: — Молодую госпожу...

— В такой праздник надо славить богов и предков, а вы в драки... — покачал головой Фу Ичжэнь. Окинув колонну взглядом, он заозирался вокруг, чтобы приметить улицу, на которую можно было бы свернуть, чтобы обойти препятствие. Заметив его взгляд, мужчина тут же предложил:

— Господин, я живу тут с рождения, могу подсказать!

Однако люди, которые шли тут же и стали невольными слушателями диалога, почувствовав, что могут помочь важному господину, вмешались:

— Да что тут подсказывать! Вперед и поворот направо: там улица достаточно широка! — сказала одна женщина, указывая в нужную сторону. Другие подхватили ее:

— Да, там сотню чжан проедите и поворачивайте направо снова, выйдете к торговой улице!

— Окажитесь на площади, а оттуда до императорского дворца рукой подать!

Слушая наставления и уточнения простых людей, Фу Ичжэнь улыбнулся. Поднявшись на стременах, он звучным голосом сказал:

— Этот принц благодарит всех вас за помощь! Его Величество отец-Император и Первая принцесса желают вам долгих лет здоровья и богатства!

С этими словами Пятый принц подал знак слугам и они сноровисто принялись брать из одного из задних обозов небольшие мешочки с подарками и раздавать их всем желающим. Внутри было немного крупы, приправ и монет: несколько раз колонна принцессы уже останавливалась, чтобы так поздравить с праздником случайных людей. Некоторые даже, получив один подарок, принимались следовать за экипажем, в надежде получить еще один — но Пятому принцу в праздничную ночь до этого не было дела. Улыбаясь кланяющимся и благодарящим его людям, он подал знак свернуть на довольно широкую, но куда менее людную улицу.

Маленький театр:

Ли Инчунь: А Ваше Высочество не боится подобными дарами вызвать беспокойство в толпе и давку?

Фу Ичжэнь: Нет. Отец-Император каждый год раздает такие подарки в разных частях города, потому получить их довольно легко и ценность у них, прямо скажем, небольшая. Это лишь соломенная кукла, чтобы об императорской семье говорили хорошо.

Ли Инчунь: Да *глядя на принца* настоящие ценности остаются в императорском дворце...

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод